

У подножия горы росли дикие финики, а также простирались обширные пустоши, где было много камней, а земля не была плодородной, поэтому никто не пытался их обрабатывать. Дикие финики были колючими, и нужно было быть осторожным, чтобы не уколоться. Красные финики имели сладковатый вкус, но были размером не больше свежих зёрен сои, а косточки были почти такого же размера, и съедобной была только тонкая сладкая кожица.

Деревенские дети часто приходили сюда, чтобы собрать немного, и носили их в карманах как лакомство.

Собрав несколько фиников и положив их в рот, Лю Яоцин почувствовал сладкий вкус, который был довольно приятным.

Боясь колючек на финиках, Лю Яоцин шёл только по краю, и незаметно отошёл далеко. Он свернул за угол, и перед ним открылся новый вид. Но здесь уже не было диких фиников, а росли ягоды, похожие на лесную землянику, но тоже колючие, и их было много.

Увидев, что ягоды не тронуты, Лю Яоцин обернулся, чтобы спросить Юй-гэра, но тот был далеко, рядом с людьми, работавшими в поле, что было безопасно, поэтому он спросил у Чжэцзы-гэ, который стоял словно страж:

— Чжэцзы-гэ, что это?

Подойдя ближе и взглянув на ягоды, Чжэцзы-гэ слегка нахмурился:

— Это дикие горные ягоды, они кислые и горькие, невкусные.

— Я попробую.

Лю Яоцин сорвал одну и попробовал. Действительно, она была кислой и горькой.

— Чжэцзы-гэ, помоги мне собрать побольше, они мне нужны.

— Хорошо.

Не спрашивая, зачем они нужны, Цинь Шаочжэ, у которого тоже была корзина за спиной, достал серп и раздвинул спутанные ветви, чтобы не уколоться при ходьбе.

Эти ягоды росли в большом количестве, и не нужно было углубляться далеко, чтобы собрать достаточно, но Цинь Шаочжэ продолжал идти вперёд.

Лю Яоцин понял, что он, вероятно, что-то обнаружил, и продолжал собирать ягоды, каждая из которых была размером с ноготь большого пальца, гораздо больше, чем дикие финики, но вкус был ужасным.

— Цинь-гэр, смотри...

В голосе Цинь Шаочжэ прозвучала нотка заискивания. Он повернулся с серпом в руке, держа что-то пушистое.

Хвост был длинным и пушистым, глаза блестели, уши висели, и, за исключением цвета шерсти, это было точь-в-точь как деревенский щенок. Лю Яоцин уже понял, кто это, но на лице изобразил удивление:

— Откуда здесь щенок?

— Я увидел, как он сидит там, не двигаясь, и схватил его.

Цинь Шаочжэ почесал зверька под подбородком, и тот начал быстро вилять хвостом.

— Это щенок.

— Дай мне подержать.

Лю Яоцин протянул руки, и щенок стал вилять хвостом ещё быстрее.

В это время Юй-гэр, который отошёл далеко, вернулся и, увидев, что Лю Яоцин собирает ягоды, сразу же подошёл помочь. Щенок его не интересовал.

Вскоре они наполнили корзины, и Цинь Шаочжэ, неся свою корзину за спиной, одной рукой держал корзину Лю Яоцина, а другой — Юй-гэра, и они вместе пошли в деревню.

Войдя в деревню, кто-то увидел Лю Яоцина и Юй-гэра:

— Цин-гэр, твой дядя снова пошёл пить с Хромым Лаем, он взял с собой деньги?

— Не знаю.

Лю Яоцин улыбнулся.

Деревня была маленькой, и секретов в ней не было. Кто что сделал, становилось известно всему селу за день. Лю Яоцин чуть не умер, а Лю Цюаньфу взял его деньги на лечение и пошёл пить. Потом Син-гэ пошёл к Хромому Лаю, устроил шум, и старик Лю сам пошёл отдать долг за выпивку, и вся деревня об этом знала.

На этот раз Лю Цюаньфу снова пошёл пить, и Лю Яоцин подумал, что его дядя вряд ли настолько глуп, чтобы снова выпрашивать деньги у других.

Поставив корзину и выпустив щенка на землю, Лю Яоцин попросил Юй-гэра и Цинь Шаочжэ подождать в комнате, а сам пошёл в главную комнату. Как раз там был старик Лю, и Лю Яоцин сказал:

— Дядя пьёт у Хромого Лая, мне сказали в деревне, я пришёл сообщить дедушке.

Обычно, если Лю Цюаньфу делал что-то плохое, старик Лю делал вид, что ничего не знает, и остальные члены семьи поступали так же, как будто у Лю Цюаньфу было право на это.

Но действительно, плачущий ребёнок получает молоко. Если он шумел, выпивал и ел, семья всегда находила способ заплатить. Лю Цюаньцин был человеком, который всегда старался для семьи, и был готов терпеть убытки.

Если шум помогал ему чувствовать себя лучше, и он мог поесть и выпить, семья к этому привыкла.

Лю Яоцин думал, что Лю Цюаньфу с детства был избалован стариком Лю и Ли-ши, и даже после рождения других детей привычка баловать старшего осталась, и её уже нельзя было изменить. Если Лю Цюаньфу был ленивым и неприятным человеком, то его родители были ещё более неприятными, ведь они не воспитали его правильно, и теперь вину сваливали на других членов семьи. В глазах Лю Яоцина эта семья была как чудовище, которое медленно пожирало человеческую совесть, делая людей равнодушными и неспособными видеть несправедливость.

Не глядя на выражение лица старика Лю, Лю Яоцин закончил и вернулся в комнату. Чжэцзы-гэ стоял у двери, явно наблюдая за двором, а Юй-гэр играл со щенком, угощая его ягодами, и щенок беззаботно ел...

— Чжэцзы-гэ, у тебя есть винная закваска?

Лю Яоцин увидел, как Цинь Шаочжэ кивнул, и хотел пойти домой за ней, но Лю Яоцин остановил его:

— Нет, я сам пойду. Возьми эти ягоды. И финики.

Лю Цюаньфу только что наделал шума, задолжал Хромому Лаю за выпивку, но в доме всё было спокойно, и он, как взрослый мужчина, явно не придавал этому значения, снова пошёл пить. Это заставило Лю Яоцина почувствовать, что дом небезопасен, и его дела не должны быть прерваны, поэтому лучше пойти в дом Цинь Шаочжэ.

— Цин-гэр, зачем тебе эти ягоды?

Юй-гэр с любопытством последовал за ним, жуя финики.

Держа щенка, Лю Яоцин почесал его под подбородком:

— Делать вино.

— Разве вино не делают из зерна?

Юй-гэр удивился. В деревне была семья, которая специализировалась на производстве вина, но способ его приготовления был известен всем. Просто зерно было дорогим, и его не хотелось тратить на вино, которое не насыщало, и его использовали только в особых случаях, покупая за деньги или зерно.

— Попробуем.

Лю Яоцин сказал небрежно.

Цинь Шаочжэ молчал, но по его выражению было видно, что он поддерживает Лю Яоцина.

Дойдя до дома Цинь Шаочжэ на краю деревни, Лю Яоцин сказал:

— Не факт, что получится, но мы попробуем.

Ягоды помыли, высушили, глиняный кувшин ошпарили кипятком и высушили. Винная закваска была готова, её смешали с сахаром, и, когда ягоды и кувшин были готовы, закваску тоже подготовили.

Вымыв руки, Лю Яоцин слегка раздавил ягоды, выпустив красный сок в кувшин, добавил закваску и немного сахара, после чего закрыл кувшин.

Впервые делая это, Лю Яоцин не знал, как правильно рассчитать пропорции, и если бы что-то пошло не так, пришлось бы продолжать эксперименты.

— Цин-гэр, из фиников тоже можно сделать вино?

Обычно винная закваска хранилась у старика Лю, и вино делали раз в год, поэтому Юй-гэр,

участвуя в этом впервые, чувствовал себя странно, и, видя много фиников, задумался.

— Финики сладкие, но в них мало мякоти, вряд ли получится, но мы попробуем, добавим больше сахара.

Лю Яоцин немного смутился, ведь кувшин, сахар и закваска были из дома Чжэцзы-гэ, и он всё время помогал.

— Давай попробуем.

Юй-гэр обрадовался.

Сделав это один раз, они пошли к подножию горы, чтобы собрать больше фиников. Вернувшись, они подготовили всё и закрыли кувшин, поставив его под карнизом, где висели вяленые дикие кур и кролики.

Возвращаясь домой, Цинь Шаочжэ вышел проводить их, держа в руках вяленого кролика.

— Цин-гэр, Чжэцзы-гэ очень хорошо к тебе относится.

Юй-гэр взглянул на кролика и понял, что это специально для Лю Яоцина.

— Да.

Лю Яоцин не стал отрицать и уверенно кивнул. Он мог только запоминать доброту Чжэцзы-гэ, чтобы в будущем постепенно отплатить, ведь нельзя воспринимать чужую доброту как должное.

Вернувшись в комнату, он почувствовал напряжённую атмосферу и увидел Син-гэ с красными глазами и напряжённым лицом, который молчал.

Цинь Шаочжэ положил вяленого кролика и ушёл, не спрашивая, что случилось, как будто это было не впервые.

— Что случилось?

Лю Яоцин достал из кармана несколько крупных фиников, положил их в миску и поставил рядом с Син-гэ.

<http://bllate.org/book/16688/1531675>